

Клубные встречи

Представлять этого человека нет надобности. Адъютант его пре-восходительства, Хлестаков, российский Император — это все он в кино и на сцене. А в жизни Юрий Мефодьевич Соломин — художественный руководитель Малого театра — был еще и министром культуры, то есть человеком в некотором роде политическим. С политического вопроса и началась наша беседа.

Юрий СОЛОМИН:

Мне не нравится, когда подсматривают в замочную скважину

— Юрий Мефодьевич, когда-то Горький обратился к российской интеллигенции со знаменитым вопросом: “С кем вы, мастера культуры?” Кстати, статью под таким заголовком он закончил словами: “С чернорабочей силой культуры за создание новых форм жизни или вы против этой силы, за сохранение касты безответственных хищников, — касты, которая загнила с головы и продолжает действовать уже только по инерции?” А как бы вы ответили на этот вопрос?

— Наверное, все зависит от того, кого считать “кастой безответственных хищников”. За всех своих коллег ответить не берусь, но ясно одно — гласность, свобода слова и творчества, которую мы сейчас имеем, дорогого стоят. Тот, кто однажды испытал на себе всякого рода ограничения, запреты, власть цензуры и реперткома, ни за что уже не согласится расстаться со свободой и вновь оказаться в оковах, ограничивающих духовную жизнь.

В то же время у меня есть все основания сомневаться в искренности некоторых моих коллег, писателей, художников, которые сегодня декларируют свои политические взгляды. Многие, случись что, наверняка поведут себя не так, как теперь говорят. Что касается лично моего отношения к тому или иному кандидату в президенты, то это, простите, как говорится, секрет кабины для тайного голосования. Я вообще против того, чтобы в прессе специально афишировалось чье-то мнение. Ведь это СМИ делают специально для воздействия на других.

— Вы возглавляете фонд “Покровский собор”. Что подвигнуло вас на это? Неужели в Малом театре вам не хватает своих забот?

— Покровский собор, или храм Василия Блаженного, как его принято называть, — архитектурная жемчужина нашей столицы. Но за те несколько веков, что собор украшает Красную площадь, эта жемчужина стала нуждаться в капитальном ремонте, укреплении фундамента и многом другом. Этим наш Фонд уже второй год и занимается. Очень хочется, чтобы наши дети и внуки вспоминали нас добрым словом за заботу об уникальных памятниках архитектуры. Положение у Фонда довольно сложное, ведь все зависит от пожертвований. Тем не менее многое уже сделано. И мне очень приятно, что и “Вечерний клуб” здесь не стоит в стороне.

— И кто же эти жертвователи на благое дело? Поступают ли, в частности, взносы от “новых русских”?

— Поначалу деньги давали довольно активно, а потом, как у нас всегда бывает со всеми начинаниями, люди поостыли. Но Московский банк реконструкции и развития остался верен нашему Фонду и продолжает помогать. Появились и новые спонсоры, хотя зачастую это такие одноразовые инъекции, похожие на милостыню, они мало что меняют. Тем не менее я почел для себя большой честью возглавить этот Фонд. Думаю, что моя внучка будет когда-нибудь гордиться своим дедом именно за эту мою работу.

— И все же, думаю, ваша внучка будет прежде всего с гордостью говорить о вас как об актере и художественном руководителе Малого театра... Не хотите поделиться творческими планами?

— Называть конкретные произведения не буду, потому что все сегодня в нашем театре связано с экономикой. Выпуск спектакля во многом зависит от того, как нас — бюджетную организацию — будет финансировать государство. Во всяком случае нашей темой остается по-прежнему классика — российская и зарубежная. Чехов, Островский, Шекспир... Эту линию мы реализовали, в частности, в фестивале, который только что прошел под названием “Островский в Доме Островского”. В нем участвовали театры Белгорода, Орла, Пензы и Владивостока. Спектакли, показанные ими, поставлены в лучших российских традициях. Без всяких выкрутосов и в то же время по-новому. Многие актерские работы просто прекрасны. Жаль, что телевидение фактически проигнорировало этот фестиваль.

— Почему проигнорировало?

— Было сказано, что это будет рекламой, а за нее театр должен платить. Приравнивают искусство к сникерсам и тампаксам.

— Классика всегда была в репертуаре Малого. Но в советские годы непременным дополнением к классическому репертуару были и спектакли на современную тему. Теперь такие фактически отсутствуют. Чем это объясняется?

— Видимо, тем, что жизнь развивается быстрее, чем ее воспринимают и осмысливают драматурги. Этим они, кстати, отличаются от журналистов. Так и театр не может уподобляться газете с ее репортажами.

— Островский, однако же, умел писать и на злобу дня.

— Великий Островский был бытописателем. Он отражал устоявшееся общество с устоявшимися типажам, характерами. Через них он показывал свое время с теми же его “бешеными деньгами”. А сейчас по существу безвременье. Вот и нет современных пьес. Если кто-то такую все-таки и берет написание, то она строится на эпатаже и подчеркнутым “вечном” эротизме. На этих “дрожах” сейчас появилось много театров и театриков с не очень внятными художественными и эстетическими позициями.

Какая-то странная вычурность, изощренность, которую они всячески культивируют.

— Чем вы объясняете подобные изыски?

— Потребность в вымучивании и беззащитном натурализме возникает тогда, когда человек не способен сделать в искусстве что-либо по-настоящему. Тогда он изгаляется как только может, чтобы хоть таким образом вызвать к себе интерес и привлечь внимание. Занимаются для этого, в частности, и так называемым осовремениванием классики. Игорь Владимирович Ильинский называл такой выпендрож дурновкусием.

— Я понимаю, у Малого свои незабываемые традиции. Но жизнь тем не менее идет вперед. Приходят новые поколения артистов, режиссеров, зрителей, а исчезновение железного занавеса открыло широкие возможности для творческих контактов. Вы не тревожитесь за будущее вашего театра? Ведь уже одно приглашение зарубежных режиссеров, сценаристов неизбежно связано с привнесением новизны?

— Совершенно верно, избежать новых веяний невозможно. Но почему это должно означать непременную ломку традиций? У нас работали режиссеры из Америки, Израиля, Германии. Но они все внимательно и бережно относились к нашим традициям. Бережнее, чем иные отечественные постановщики в некоторых театрах, которые с легкостью необыкновенной превращают драму в комедию, а историю возвышенной любви в пошлый адюльтер... Наши гости не навязывают нам то, что нам не подходит, не вписывается в наши традиции. Как ни прискорбно об этом говорить, они порой относятся к нашей национальной культуре с большим уважением, чем мы сами.

— Произошли ли, на ваш взгляд, изменения в театральной публике, в ее составе, ее интересах?

— Кто ходил прежде, ходит и сейчас. Интерес к театру, любовь к нему передается в семьях интеллигентов от поколения к поколению. Я имею в виду ту подлинную интеллигенцию, ко-

торая мучается духовными проблемами бытия, интересуется историей отечества.

— А молодежь?

— Одно время я, как и все, начал было в ней сомневаться, но на проверку оказалось, что для этого нет оснований. В зрительном зале много молодежи. Многие юные москвичи, к счастью, начинают понимать, что увлечение всякой попсой ей навязывают те, кто ищет материальную выгоду, хочет на этом заработать. И молодые люди, слава Богу, тянутся к настоящему, своему национальному искусству.

— У Малого театра есть политические симпатии? На кого из современных политиков вы ориентируетесь?

— Ни на кого и ни на что мы не ориентируемся. Только на собственный здравый смысл. Михаил Царев говорил: “Малый театр — большой корабль, поэтому идет своим курсом, ни к кому не пристраивается”. Не надо заведомо красить людей в разные цвета — белый, красный, зеленый, коричневый, черный. История судит о людях не по цвету, в который их красят или они сами красятся, а по делам. Их мы и показываем в наших исторических спектаклях, предоставляя зрителю самому делать выводы и заключения.

— А свое собственное прошлое вы не осуждаете?

— Почему я должен его осуждать? Какое прошлое? За творческое прошлое — за сыгранные роли — мне не стыдно. За личное? За то, что был пионером, что ли, и носил красный галстук? Да, я собирал и макулатуру, и металлолом, и горжусь этим, потому что мы победили только благодаря тому, что весь народ был таким. Я собирал утиль, чтобы делали танки и самолеты. Мы, дети войны, выросли быстро и рано. Навсегда запомнилась мне заметка в газете “Омская правда”, которую взрослые читали вслух. Это было письмо шестилетней девочки Ады: “Гитлер выгнал меня из города Сычевки Смоленской области. Чтобы мы снова поехали домой, мама отдала свои деньги на танк. Я собирала их тоже на куклу, а теперь отдаю на танк. Когда его построят, пусть назовут “Малютка”.

А сейчас подростки, подражая взрослым, “делают деньги”, чтобы купить джинсы “Джордаш”... Нет, мне за свое поколение не стыдно.

— За свою жизнь вы сыграли много ролей. Какие из них вами особенно любимы?

— Я всегда играю только то, что мне нравится. Другое дело, что одно, может быть, получается лучше, другое хуже... Но все, что делаю, — делаю с интересом и любовью. Это и Хлестаков в “Ревизоре”, и Кисельников в “Пучине”, и Сирано де Бержерак, и Николай Второй в “И аз воздам”, и Войничский в “Дяде Ване”. Кто лично мне милей и дороже, сказать не могу. Под таким вопросом вообще подразумевается мысль, что артист может играть кого-то и не любить этот образ. Это плохо. Если не любишь, то и не берись. Не уподобляйся продавцу, который хамит покупателям, потому что не любит их.

— Тогда спрошу по-другому: кого бы вы хотели сыграть?

— О своей, такой заветной, мечте никто из нормальных людей не говорит. Я считаю себя нормальным и поэтому молчу. Вдруг такая возможность представится, а ты не сыграешь. Кроме того, годы идут и роли уходят...

— Малый — из числа театров, взятых под охрану государства. Это отразилось на вашей работе, облегчило жизнь?

— Это не надо понимать буквально. Государство нас не охраняет. Но мы — народное достояние, как Третьяковская консерватория. 200 лет назад в Москве были созданы императорские театры — Большой и Малый. Теперь они нуждаются в бережном сохранении и сбережении для потомков — здание, интерьер, уникальные музейные предметы... Без государственных дотаций не обойтись. А разве наши актеры не уникальное достояние государства! Тот же Николай Александрович Анненков, которому 96 лет, а он до сих пор играет в трех спектаклях. 75 лет в нашем театре! Театры всегда были на дотации. И это правильно, если государство действительно заботится о духовности общества. Подлинное искусство не может существовать на самоокупаемости. В противном случае оно становится коммерческим ширпотребом и служит одной цели — получению прибыли. А цель истинного искусства — художественно обогащать человека, совершенствовать его нравственно.

— Юрий Мефодьевич, что для вас дом, семья, из кого она состоит?

— О своем доме и своей семье я никаких историй никогда не рассказываю. Мой дом — моя крепость. Скажу лишь, что жена Ольга Николаевна тоже актриса, преподает в Щепкинском училище. Мы вместе учились. Дочь Дарья и ее муж — музыканты, о внучке Александре я уже упоминал. Но вообще-то о своих семейных делах я говорить не люблю и не перестаю удивляться иным эстрадным звездам, которые буквальнокупаются в слухах. Такое впечатление, что некоторым нравится, когда за ними подсматривают в замочную скважину. Мне не нравится.